

Григорий Померанц

Какая элита нужна России?

Я попытался представить себе образ элиты. Но он тут же распался и превратился в какое-то облачко. Единой элиты не может быть в сложном обществе. Некоторые элиты живут в связке и как бы могут быть охвачены одним взглядом; другие мало что знают друг о друге; например – военная элита и театральная. Поэтому иду на риск поставить вопрос по-своему: какая элита сегодня нужнее всего России? Например, в 60-е годы XIX века Гончарову казалось, что нужнее всего элита деловая, и он представил ее в Штольце. А мне кажется, что сегодня нужнее всего этическая элита. Или еще точнее: элита, противостоящая коррупции.

В книге Евгения Ямбурга “Педагогический декамерон” (Москва, 2008) хорошее определение заимствовано из опыта Германии. Это фрагмент из письма Дитриха Бонхёффера, ожидавшего казни за участие в заговоре против Гитлера. Письмо достаточно широко известно, но мысль Бонхёффера так глубоко и смело развита, что стоит еще раз углубиться в нее. И я согласен с Ямбургом, что формулировки немецкого пастора, созданные в эпоху великого немецкого кризиса, подходят и к нынешнему русскому кризису:

“Если у нас не хватает мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведет к собственному оподлению. Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливается хаос, причем вина за это ложится на нас. В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня

оно со всей страстью должно выступить за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешевые обвинения в антиобщественных взглядах – ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку. Кто позволяет себе расслабиться, смирить себя, тот не понимает, о чем идет речь, и, вероятно, даже в чем-то заслужил эти попреки. Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существовавших слоев общества. (подчеркнуто мною. Г.П.) Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному осознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто этого заслуживает, а также благодаря столь же принятому уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. Главное – это расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества, главное – восстановить порядок на основе качества. Качество – заклятый враг омащования. В социальном отношении это означает отказ от погони за положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звезд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио – к книге, от спешки – к досугу и тишине, от рассеяния – к концентрации, от сенсации – к размышлению, от идеала виртуозности – к искусству, от снобизма – к скромности, от недостатка чувства меры – к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные – друг друга дополняют.”

Читателя может смутить установка на аристократию. Но это метафора, заимствование из прошлого. Автор говорит о том, что должно быть, и выбирает образы из того, что было. Иначе трудно создать зримый образ. Впрочем, в конце фрагмента дается и совершенно точное описание современного эти-

ческого идеала с позиции современной культуры. Я иногда узнаю в этом описании своих знакомых.

Однако образ благородного рыцаря – не единственный, который приходит в голову. Мне припоминается другой образ из жизни России XV века: движение нестяжателей. С той же оговоркой: это метафора, описание того, чего еще нет, и прямого сходства с заволжскими старцами читатель не должен искать. Но я могу представить себе в современной России движение нестяжателей, собор нестяжателей, а рыцарей – только как одиночек. Одиночки не остановят рост коррупции. А остановить его необходимо. Гайдар (в полузабытой газетной заметке, бросившейся мне в глаза) совершенно верно писал, что рынок без нравственных устоев – это кошмар. Откуда же взять устои? Протестантская этика, которую высоко оценивал Вебер, выросла из спора монаха с папой и впоследствии уже сплелась с рынком. Этическая напряженность старообрядцев родилась в споре Аввакума с Никоном и опять-таки только впоследствии создала лидирующее меньшинство в развитии русской промышленности. Откуда же нам взять хозяйственную этику сегодня?

Я присутствовал на круглом столе, обсуждавшем вопрос о доверии между деловыми партнерами. И ушел – с еще более твердым убеждением, чем прежде, что хозяйственная этика – часть общенародной этики, корни которой очень далеки от рынка.

Георгий Петрович Федотов считал духовной трагедией XV века победу осифлян над нестяжателями. Надо понять, почему. У Иосифа Волоцкого были свои резоны: на оброк от крепостных крестьян он строил храмы, создавал мастерские иконописцев, при неурожае помогал голодающим. Дело в стиле полемики. Нил Сорский не хотел никого уничтожить. Он мягко доказывал, что владение крепостными затягивало в мир суеты. А Иосиф Волоцкий стремился доводить спор до уничтожения противника и даже подозреваемых в сочувствии идеям нестяжателей. По этой причине был отправлен в тюрьму Иван молодой, наследник Ивана III, и на престол возведен Василий Иванович, отец Ивана Грозного. Последствия этого известны. Иосиф Волоцкий –

один из первых русских политиков, разрушавших противника “до основанья, а затем”... Затем Иван Грозный уничтожил боярство, Никон – старообрядцев, Петр – стрельцов и наконец большевики – эксплуататорские классы, вплоть до ликвидации кулачества, а заодно и свободного крестьянства. К чему это привело? В обществе как целом, в культуре как целом?

Не существует ни одного исчерпывающего определения культуры. Но можно представить себе образ культуры как венка, сплетенного из многих символов, догм, принципов, идей. Жизнь культуры – постоянные поиски равновесия. Одна ветвь уравнивает другую и не дает ей устремиться по прямой линии в бесконечность. Всякое развитие, потерявшее меру, становится злокачественным. В здоровом организме и в здоровой культуре целое господствует над частями и не допускает уродливых перекосов, грозящих разрушением на куски. Отсюда опасения Конфуция и консервативная мудрость, не допускающая слишком быстрого роста, увлечения “прогрессом”, создающего кризисы и катастрофы. Отсюда катастрофы XX века, вызванные ложной идеей уничтожения единого источника зла, после чего автоматически исчезнут все беды.

Если отвлечься от стиля полемики Иосифа Волоцкого, то его спор с Нилом Сорским – это спор Марфы с Марией. Христос, арбитр спора, сочувствует Марии, но он не прокликает Марфу, он только проводит в ее уме более длинную линию, чем линию ее хозяйственных забот, и в сравнении с этой линией, ведущей в глубину, хозяйственные заботы (и самолюбие хозяйственницы) сами собою становятся на второе место. Однако Мария царствует, но не правит, оставляет Марфе всю ее сферу – без переоценки важности этой сферы.

Мария царствует, но не правит, подобно королеве Англии или нынешнему испанскому королю, которые не вмешиваются в торговые сделки, но хранят лучшие моральные традиции аристократии, традиции благородства, которое обязывает (*noblesse oblige*). С этой точки зрения можно понять и смысл слова “аристократия” в письме Бонхёффера. Это орден, к которому

всякий может присоединиться, если он глубоко и чисто живет (как это подробно описывается в конце фрагмента, приведенного выше).

Нестяжатели наших дней – это учителя, живущие на свое скарредное жалование, но не торгующие отметками, библиотекари, не бросающие своего призвания ради ларька на рынке и т.п. Сергей Аверинцев говорил, что культура нуждается в работниках, для которых она – единственное призвание. Один мой друг, выдающийся физик, сказал неожиданным в его устах библейским языком, – что торгующих надо изгнать из храма науки. Я немного участвую в большой работе, которую ведут Евгений Ямбург – с учителями, Екатерина Гениева – с библиотекарями, верными своему призванию. Эта традиция достаточно стара. От Ломоносова до Лихачева в университетах не было коррупции. Крепость держалась два века. Сегодня она на пороге падения.

Однако в сферу науки и народного образования коррупция еще сравнительно недавно пустила корни. Здесь остались нестяжатели, на которых можно опереться. И судя по письмам, которые до меня доходят, кое-где они смыкаются в группы и пытаются сформулировать свое *credo*.

Приведу один пример – из жизни уральского городка Верхняя Пышма. Начало нашей переписки с ним положил журнал “Смена”, брошенный кем-то в электричке. Журнал подобрала Ирина Елисеева, воспитательница детского сада, прочла сихи Зинаиды Миркиной и стала разыскивать наш адрес. Было это давно, лет 15 тому назад. В конце концов, адрес нашелся. С тех давних пор я запомнил реплику ребенка после беседы о Боге. “Я поняла, – сказала шестилетняя девочка. – Это как чувствовать маму с закрытыми глазами.” Я использовал эти слова в какой-то статье.

Год шел за годом, Елисеева поступила на заочное отделение института, проучилась шесть лет, но никак не могла защитить диплом. Оказалось, что диплом имеет рыночную стоимость. Елисеевой это не понравилось, и она ушла без диплома. Заведовать библиотечным коллектором ее взяли и так. Передо мной лежит бюллетень “Околица”, издаваемый нестяжательницами

Верхней Пышмы, № 1 за 2008 год, а всего по счету 8-ой. Приведу характерные заголовки статей: “Миры, творимые словом” Г. Кириной; “Библиотекарь – профессия креативная” (Г. Шматовой и Н. Некрасовой) и другие. Есть и раздел “Просто цитаты”, фразы, выбранные внимательным чтением и ставшие девизом нового движения.

Маленькие бюллетени, восемь страниц, направлены к укреплению духа общественной группы, не покорной гнилому поветрию. Если дело так пойдет, если удастся объединить кучки людей, разбросанные от Архангельска до Ульяновска и от Калининграда до Томска, то народное образование может быть постепенно очищено, торгующие изгнаны из храма и выпускники школ и университетов начнут бороться с коррупцией повсюду. Можно вспомнить, что это уже было. Выпускники университетов, расширившихся после реформ Александра II, взяток не брали и теснили лихоимство на местах, куда попадали. Можно вспомнить (это и мой личный опыт), что в исправительно-трудовых лагерях взятки брали только социально близкие воры и бандиты, а социально чуждые интеллигенты брезговали этим. Хотя, казалось, на что мне, осужденному за антисоветскую агитацию, бороться за этику своей лагерной профессии (нормировщика подсобных мастерских)? Положение абсурдное, но за два с половиной года я ни разу взятки не дал и не брал. Рискуя тем, что меня снимут с работы и отправят на общие, ворочать баланы на лесозаводе...

Примерно так вели себя и другие антисоветчики. Начальство это понимало и предпочитало комплектовать свои канцелярии из контингента со статьей 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда). Куда он делся, этот контингент? Что его создало? Может быть, чтение и перечитывание великой русской литературы XIX века, в особенности Толстого и Достоевского? И может быть нынешняя реформа народного образования, с установкой на прагматику, подрывает сами основы честного рынка? Потому что прагматика у нас коррупционная, и без каких-то внепрагматических духовных устоев вор

у вора по-прежнему будет дубинку красть, и никакого толку из этого не будет.

Говорят, что поможет преподавание закона Божьего. Но тут тоже есть опыт. Дореволюционные батюшки, сталкиваясь с наукой, вызвали взрывы подросткового атеизма. Через него прошел даже Владимир Соловьев. Преподавание этически насыщенной литературы XIX века (и лучших книг XX в.) давало гораздо более надежные результаты. Другое дело, что строить преподавание литературы в школе по университетскому принципу, как историю – тоже себя не всегда оправдывало. Быть может, целесообразно подбирать из трудных сочинений классиков то, что может усвоить подросток. Например, “дети у Достоевского” (Неточка, Нелли, мальчики в “Братьях Карамазовых” и т.п.); быть может стоит издавать специальные школьные серии, хрестоматии, а не сразу оглушать “Преступлением и наказанием”. Этот вопрос требует длительной разработки и выходит за рамки статьи.

Подведем итоги. Нам нужна элита, которой “образование не позволяет” уступать привычкам коррупции; элита, способная исправить очередной переко в русской истории – не “до основания, а затем...” – не упраздняя и не ограничивая рынок в его рыночной сути, а помогая рынку и государственному аппарату выработать свою профессиональную этику и чувство чести. Мне кажется, изучение лучших образцов мировой литературы может (начинаясь в старших классах) продолжаться и на факультетах точных наук. Студентам нужны тексты, заставляющие мыслить о религиозных и этических проблемах, не пряча открытых вопросов, “проклятых вопросов”, мучивших Иова. Такое чтение, по моему опыту, развивает личность, толкает ее в глубину, в “царствие, которое внутри нас”, и “сильно развитая личность”, о которой мечтал Достоевский, не поддается никаким соблазнам.